



(не)женская ЭКОНОМИКА

линда
СКОТТ

*Победитель премии
Porchlight Business Book Awards,
входит в топ книг 2020 года
по версии The Guardian*

как гендерное
неравенство
ограничивает
наш экономический
ПОТЕНЦИАЛ

Есть смысл

Линда Скотт

**(Не)женская экономика.
Как гендерное неравенство
ограничивает наш
экономический потенциал**

«ВЕБКНИГА»

2020

Скотт Л.

(Не)женская экономика. Как гендерное неравенство ограничивает наш экономический потенциал / Л. Скотт — «ВЕБКНИГА», 2020 — (Есть смысл)

ISBN 978-5-6046470-3-5

Сегодня женщины до сих пор страдают от финансовых и социальных притеснений и имеют меньше возможностей для реализации карьерного потенциала, чем мужчины. Экономист Линда Скотт, воплотившая в жизнь множество проектов за гендерное равноправие как в странах третьего мира, так и на Западе, показывает, что цивилизованному обществу еще предстоит преодолеть множество барьеров в этой сфере. И главное – что от расширения экономических прав женщин выиграют не только сами женщины, но и корпорации, правительства и мировая экономика в целом. Книга-победитель премии Porchlight Business Book Awards. Финалист Книжной премии Королевского научного общества. Одна из лучших книг по версии The Guardian в 2020 году.

ISBN 978-5-6046470-3-5

© Скотт Л., 2020
© ВЕБКНИГА, 2020

Содержание

Информация от издательства	7
Отзывы	8
1	10
2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Линда Скотт
(Не)женская экономика
Как гендерное неравенство ограничивает
наш экономический потенциал

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright © 2020 by Linda Scott

All rights reserved.

Published by arrangement with Andrew Nurnberg Literary Agency.

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. БФ «Нужна помощь», 2022

* * *

ЛИНДА СКОТТ

(НЕ)ЖЕНСКАЯ ЭКОНОМИКА

КАК ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО ОГРАНИЧИВАЕТ НАШ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

ЕСТЬ СМЫСЛ
МОСКВА 2022

Информация от издательства

THE DOUBLE X ECONOMY

Издано с разрешения FABER AND FABER LIMITED при содействии Andrew Nurnberg Associates International Ltd. c/o Andrew Nurnberg Literary Agency

На русском языке публикуется впервые

Фотография на обложке предоставлена Центром имени Вс. Мейерхольда. Фото с перформанса «Родина», автор Маргарита Денисова

* * *

Джиму, Кэтрин и Полу

*Правда сделает вас свободными, но сначала выведет из себя.
Глория Стайнем*

ОТЗЫВЫ

«(Не)женская экономика» – это книга, которая заставляет задуматься. Она изобилует данными о том, какие потери несут общество и мировые экономики, исключая женщин. Это важнейшая книга по важнейшей теме.
Доктор Фумзиле Мламбо-Нгука, директор-исполнитель «ООН-женщины»

Раскрывая то, как расширение экономических прав и возможностей женщин способствует развитию государства и повышает уровень благополучия граждан, Линда Скотт оказывает большую услугу не только женщинам, но и мужчинам. «(Не)женская экономика» – это целое кругосветное путешествие по ограничениям, сдерживающим женщин, и потенциалу, который они могут раскрыть. Книга последовательно разрушает мифы о мужском доминировании и исторической роли женщин в обществе. «(Не)женская экономика» логична, чрезвычайно интересна и в доступной форме излагает исследования, на которые может опереться любая, кто хочет доказать, что женщины для экономики и общества столь же ценны, как и мужчины, – если только дать им равные возможности преуспеть.

Лора Лизвуд, генеральный секретарь Council of Women World Leaders

В «(Не)женской экономике» Линда Скотт закладывает фундамент возможного подхода мирового сообщества к созданию будущего, в котором женщинам больше не будет мешать экономическое неравенство. Стоит отметить ее умение как анализировать экономические барьеры, с которыми сталкиваются женщины, так и предлагать международным корпорациям, национальным правительствам и отдельным людям реальные решения. Эта книга – призыв к практическим действиям, призыв заняться серьезнейшими проблемами нашего века, а также отличный ресурс для всех, кто борется за женское равноправие.

Лора Адамс, генеральный директор Women for Women International

«(Не)женская экономика» обязательна к прочтению для всех, кто хочет понять, почему в современном мире существует гендерное неравенство и почему для его устранения могут потребоваться столетия. Линда Скотт пишет понятным каждому языком. Она увлекает, просвещает и вдохновляет читателя как отрезвляющими историями из жизни, так и твердыми фактами и данными. Полная идей и пронизанная призывом к действию, эта книга – своевременный вклад в дискуссии, которые сейчас идут в совещательных комнатах, клубах любителей книги и бизнес-школах.

Аранча Гонсалес, исполнительный директор Международного торгового центра

Линда Скотт вложила в «(Не)женскую экономику» мощную смесь непререкаемой верности гендерному равенству, глубокого понимания современных экономических процессов и уникального опыта практической работы в разных странах мира. Эта книга поможет вам увидеть новые подходы к нашей общей работе над развитием общества, предоставлением равных

возможностей, и, как пишет сама автор, над тем, чтобы положить конец «одной из самых трагичных мировых проблем».

Джош Левс, автор книги All In: How Our Work-First Culture Fails Dads, Families, and Businesses – And How We Can Fix It Together

«(Не)женская экономика» Линды Скотт – это сильная презентация того, во что обходится обществу гендерное неравенство, а также веское, аргументированное высказывание в пользу расширения экономических прав и возможностей женщин. В книге найдется и множество захватывающих примеров со всего мира. Если мы намерены еще долго радоваться экономическому развитию и идти ко всеобщему процветанию, решение прямо у нас под носом: надо включить участие женщин в экономике на полную мощность. Как показывает Линда Скотт, это императив нашей эпохи.

Меланн Вервир, исполнительный директор Georgetown Institute for Women, Peace and Security, бывший посол США по глобальным женским проблемам

Революционная книга! Линда Скотт приводит сильный аргумент в пользу необходимости покончить с экономическим исключением женщин и придать мировым экономикам новую, позитивную форму.

Майкл Кауфман, автор книги The Time Has Come: Why Men Must Join the Gender Equality Revolution

1

Женская экономика

Наш автомобиль мчал по неосвещенным улицам Аккры, а сердце у меня бешено колотилось. Водитель пояснял сцены, мимо которых мы проносились, и его голос был полон гнева и скорби.

Вокруг, словно тени, двигались сотни бездомных девочек-подростков. Некоторым, полуобнаженным, некуда было приткнуться, и они мылись прямо из ведра. Другие спали, сбившись в кучу. «Бежали из деревни, – говорил водитель. – Родители продали бы их в жены незнакомцу, и им пришлось бы днем работать как животным, а ночью ему отдаваться. Они думали, что в городе их ждет лучшая доля». У многих были округлившиеся животики или младенцы на руках. «Изнасилования в деревнях – обычное дело, но здесь ничуть не безопаснее. У нас целое поколение с самого рождения растет на улице, – с болью продолжал шофер. – Они так и не узнают ни семьи, ни общины. Как им научиться отличать добро от зла? Что будет с Ганой, когда эти дети вырастут?»

Многие девушки работали на рынке и таскали за покупателями товары в корзинах на голове. Кто-то скатывался в проституцию. Некоторые попадали в лапы работорговцев: этот поистине древний кошмар до сих пор расходится из Западной Африки огромными кругами, питая криминальный мир планеты.

Когда я оказалась в вестибюле гостиницы, у меня было такое чувство, что я вернулась из другого измерения. Я отнюдь не новичок и давно работаю с беднейшими слоями общества напрямую, но картины, увиденные мной в ту первую ночь в Гане, стали настоящим потрясением.

В тот день я прилетела в эту страну, чтобы дать старт многообещающему проекту. Наша команда из Оксфорда собиралась проверить одну идею, чтобы удержать деревенских девочек в школе. Вроде предложение было очень простым – раздавать бесплатные прокладки, – но его, безусловно, стоило попробовать. Было уже известно, что если девочки оканчивают среднюю школу, то экономика бедных стран получает мощный толчок: образованные женщины увеличивают и объем, и качество рабочей силы и тем самым стимулируют развитие. Они позже рожают первого ребенка и, следовательно, имеют меньше детей в целом, замедляя головокружительные темпы роста населения. Своих детей образованные женщины воспитывают иначе и стремятся, чтобы те окончили школу, хорошо питались, получали медицинскую помощь. Эти матери становятся тормозом для засосавшего Африку порочного круга нищеты.

Однако тем вечером я встретила человека, который показал мне, что происходит, если сила, вырвавшая девочку из школы, заставляет ее бежать из родных мест. Этот отчаянный рывок порождает ведущую ко дну спираль, которая поколениями сеет опасности и страдания по всему региону. Я знала, что эта разрушительная сила расходится и по миру и приносит насилие и нестабильность в другие страны: торговля людьми – одна из самых прибыльных сфер деятельности для международных преступников. То, что я пережила тем вечером, навсегда изменило мое восприятие собственной работы. Я осознала, насколько она неотложная, и с тех пор никогда не теряю этого ощущения.

Равное отношение к женщинам в экономике – хотя в это и сложно поверить – положит конец одному из самых затратных мировых пороков и принесет всеобщее процветание. В этом заключается центральное послание книги, которую вы держите в руках. На ее страницах я расскажу еще не одну историю, подобную этой, из теней Аккры. Я буду опираться на личный опыт работы в африканских деревнях и трущобах Азии, а также в лондонских советах директоров и американских университетах. Вы увидите, что повсюду – даже в таких непохожих местах

– действует один и тот же механизм экономического исключения и что его последствия негативны всегда.

Начавшийся в 2005 году и небывалый до того момента поток данных показывает следующее: в разных странах мира для экономического неравенства, связанного с женщинами, существует особый паттерн с характерными и одинаковыми везде механизмами. Барьеры на пути вовлечения женщин в экономику повсеместно не сводятся лишь к работе и зарплате, а охватывают также права собственности, капиталы, кредит и рынки. Экономические препоны вкупе с традиционными культурными ограничениями – такими как отсутствие свободы передвижения, уязвимость в репродуктивной сфере и постоянная угроза насилия – формируют уникальную для женщин теневую экономику, которую я называю «женской экономикой».

Если мировое сообщество устранил экономические препятствия, с которыми сталкиваются женщины, настанет эра мира и процветания, равной которой не было в истории. В последнее десятилетие зародилось движение за расширение женских экономических возможностей, которое ставит своей целью именно это – убрать барьеры. Пусть пока и немногочисленное, оно уже достигло глобальных масштабов и начало сотрудничать с самыми влиятельными мировыми институтами: национальными правительствами, международными агентствами, крупными фондами, благотворительными и религиозными организациями, многонациональными корпорациями.

Я стояла у самых истоков этого движения. Начинала с исследований возможных подходов к предоставлению женщинам финансовой независимости. Сначала я работала в сельской местности, в частности в Африке, и тестировала как собственные, так и чужие идеи. У меня была возможность напрямую взаимодействовать с женщинами в разных странах и при разных обстоятельствах. Помимо этого, я проводила Power Shift Forum for Women in World Economy – ежегодное мероприятие для специалистов по расширению экономических возможностей женщин, где можно было поделиться своими наработками. В 2015 году я сместила акценты. Как и раньше, я провожу исследования в отдаленных районах, но теперь еще приезжаю и в мировые столицы, где участвую в политических дискуссиях о внедрении глобальных реформ.

То, что я вижу, зачастую приводит меня в отчаяние. Министры финансов, те, кто стоит у руля мировой экономики, склонны относиться к борцам за права женщин как к женским прищипщикам, сводя их усилия на нет. Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и «Большая двадцатка» (G20) могут устроить какую-нибудь женскую неделю, создать рабочую группу и даже вставить фразу про женщин в коммюнике, но в их программах не найдется места для нужд половины их собственных сограждан. Они предпочитают отмахиваться, не желая знать, почему исключение женщин вредно для экономики и как учет их интересов при формировании национального бюджета может привести к тому самому росту, которого они так отчаянно желают. Они задвигают женскую экономику на второй план лишь из-за собственных предубеждений – и ничего более за этим не стоит.

Именно поэтому нам нужны вы. Работая над этой книгой, я надеялась привлечь к делу расширения экономических прав и возможностей женщин множество новых голосов, рук и умов. Действия, которые я предлагаю, конкретны, разумны и эффективны. Я приглашаю вас к сотрудничеству вне зависимости от вашей сексуальной и гендерной принадлежности, расы и происхождения, от того, работаете вы на заводе, в офисе, на ферме, дома или в интернете. Каждый раз, когда я буду писать «Мы должны это сделать...» или «Мы можем сделать вывод, что...», я имею в виду *всех* нас.

Почему же мы обратились к изучению такого рода теневой экономики только сейчас? И тут мы сталкиваемся с двумя препятствиями: отсутствие данных и стереотипы в восприятии систем обмена. Измерения в экономике сосредоточены на денежном обмене, однако женский экономический вклад – например, домашнее производство и крестьянский труд – в значительной мере не связан с денежной компенсацией. Кроме того, минимальной единицей, на уровне

которой обычно регистрируют данные, являются домохозяйства, а там доходы женщин, как правило, приписывают мужчине – главе семейства. Уже этих двух причин вполне достаточно, чтобы наши системы не выявляли женскую экономическую активность.

Но еще хуже то, что различные институты – от университетов до правительств – как правило, не собирают и не анализируют данные с разбивкой по полу. Во времена движения за права женщин в 1970-х годах в науке работали главным образом мужчины, и в результате фактор женского участия не становился проблемой ни одной из дисциплин. Однако за последние пятьдесят лет число женщин-ученых выросло, они стали заметнее, и одна дисциплина за другой – история, антропология, психология, социобиология, археология, медицина, биология и еще очень многие – преобразились благодаря простому вопросу: «А как насчет женщин?» Тем не менее целый ряд областей эта волна интеллектуальных изменений не затронула, и экономика – одна из них. Этого пока не произошло во многом из-за отсутствия последовательных гендерных данных: невозможно систематически сравнивать благополучие не только *здесь и там*, но даже *сейчас и тогда*.

Однако самое большое препятствие – глубокое презрение экономистов к женщинам. Именно оно мешает им взяться за этот вопрос. Тех, кто управляет шестеренками национальных экономик, готовили по программам PhD на экономических кафедрах университетов и учили воспринимать экономику как бесстрастную машину, работающую на много выше уровня, на котором возникают проблемы вроде гендерного исключения. В тех же университетах экономисты научаются преуменьшать роль женщин как класса.

Предубеждение экономистов-мужчин в отношении женщин недавно стало темой эссе, опубликованных в *The New York Times*, *The Washington Post*, *Financial Times* и *The Economist*. Внимание прессы привлекло исследование, которое выявило и описало с шокирующими подробностями, как экономисты говорят о женщинах в частных беседах. Авторы проанализировали миллионы постов в одной дискуссионной группе в интернете, где студенты и преподаватели экономики сплетничали о своих коллегах, и сравнили, как они высказываются о мужчинах и женщинах, когда их никто не контролирует. Оказалось, что в отношении коллег-женщин самыми частотными были слова «горячая», «лесбиянка», «сексизм», «сиськи», «анал», «жениться», «феминаци», «шлюха», «секси», «влагалище», «буфера», «беременная», «беременность», «милашка», «свадьба», «мастурбация», «шикарная», «похотливая», «влюбиться», «красавица», «секретарша», «бросить», «шопинг», «свидание», «благотворительность», «намерения», «сексуальная», «старомодная» и «проститутка». В отношении мужчин звучали слова «математик», «ставки», «советник», «учебник», «мотивированный», «Уортонская школа бизнеса», «цели», «Нобелевская премия» и «философ». Женщины-экономисты в разговорах с журналистами подтверждали, что эта выборка вполне отражает то пренебрежение, которое более старшие экономисты прививают своим более молодым коллегам¹.

¹ Diane Coyle, «Economics Has a Problem with Women» *Financial Times*, 28 августа 2017 г., <https://www.ft.com/content/6b3cc8be881e-11e7-afd2-74b8ecd34d3b>; Mary Daly, «Economics Trails the Sciences in Attracting a Diverse Student Mix», *Financial Times*, 13 мая 2018 г., <https://www.ft.com/content/d47e885a539b-11e8-84f4-43d65af59d43>; «Inefficient Equilibrium: Women and Economics», *Economist*, 19 декабря 2017 г., <https://www.economist.com/christmas-specials/2017/12/19/women-and-economics>; Elizabeth Winkler, «„Hotter“, „Lesbian“, „Feminazi“: How Some Economists Discuss Their Female Colleagues», *Washington Post*, 22 августа 2017 г., <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2017/08/22/hotter-lesbian-feminazi-how-some-economists-discuss-their-female-colleagues/>; Justin Wolfers, «Evidence of a Toxic Environment for Women in Economics», *New York Times*, 18 августа 2017 г., <https://www.nytimes.com/2017/08/18/upshot/evidence-of-a-toxic-environment-for-women-in-economics.html>; Justin Wolfers, «Why Women's Voices Are Scarce in Economics», *New York Times*, 2 февраля 2018 г., <https://www.nytimes.com/2018/02/02/business/why-womens-voices-are-scarce-in-economics.html>; Ann Mari May, «Women Are Missing from Economics. Here's Why That Matters for All of Us», *Huffington Post*, 11 июня 2018. А также: Mark J. Perry, «Women's Voices Might Be Scarce in Economics, but They Are Abundant and Over-Represented in Most Academic Fields and Graduate School Overall», *AEIdeas*, 4 февраля 2018, <http://www.aei.org/publication/womens-voices-might-be-scarce-in-economics-but-they-are-abundant-and-over-represented-in-most-academic-fields-and-graduate-school-overall>. Пеппи, профессор Мичиганского университета, приводит обычный аргумент, что женщин тянет к другим дисциплинам просто от природы, а также заявляет, что в других дисциплинах женщин *слишком много* (признавая, что они показывают лучшие результаты) и никто по этому поводу

В университетах по всему миру экономика как наука – область с выраженным преобладанием мужчин. Причем более значительным, чем в естественных науках, технологиях, инженерии и математике. Хотя в науке в целом количество женщин растет и в некоторых странах – например, в США – они уже получают больше половины степеней PhD, в экономике докторантов женского пола менее трети². Ситуация не меняется десятилетиями, и экономисты не видят проблем в гендерном составе своих рядов. «В большинстве дисциплин принято считать, что разнообразие хорошо само по себе, – поясняет экономист Шелли Лундберг. – Экономический мейнстрим склонен отвергать такой подход, это отражает веру этих людей в то, что отсутствие разнообразия – порождение эффективного рынка. Экономисты гораздо чаще считают, что если в какой-то области женщин мало, то дело наверняка в том, что они не слишком в ней заинтересованы или не очень продуктивны»³.

Этическая культура экономических кафедр, однако, подталкивает к совсем другому объяснению. Сорок восемь процентов женщин-профессоров экономики признаются, что испытывают на работе дискриминацию по половому признаку. Существует всепроникающая атмосфера травли. Очень показательны в этом отношении презентации по результатам экономических исследований, которые должны проводить новые сотрудники, молодые преподаватели и докторанты: на них коллеги-мужчины пытаются «пригвоздить выступающего к доске» недружелюбным анализом. Сорок шесть процентов женщин признаются, что на конференциях стараются избегать ответов на вопросы и изложения собственных идей из опасений, что к ним отнесутся предвзято. В 2018 году Американская экономическая ассоциация признала, что мизогиния в этой сфере привела к «неприемлемому поведению, которое продолжается из-за молчаливой терпимости». Лиа Бустан, экономист из Принстона, говорит, что преподаватели экономики воспринимают женщин как низший класс и считают их приход в эту дисциплину угрозой для своего статуса. Эти ученые запугивают коллег-женщин в надежде, что те уйдут, а их собственный престиж не пострадает⁴.

Экономика как дисциплина оказывает огромное влияние на общество, поскольку к ней за экспертной оценкой обращаются правительства. «Если системные гендерные предрассудки искажают восприятие в этой области, – писал *The Economist*, – это отражается на лицах, принимающих решения, и любых других людях, которые обращаются к ученым-экономистам за анализом, советом и, в сущности, за мудростью»⁵. Предрассудки профессуры по отношению к реальным женщинам выливаются в негативное отношение к теме женщин в экономике, из-за чего женской экономике становится сложно завоевать себе место в глобальной повестке.

Помимо всего, внушительным барьером является сама философия подобной бескомпромиссной позиции. Первый ее принцип гласит, что экономика строится на коллективных действиях рациональных, информированных людей, которые ведут себя независимо и свободно принимают решения в собственных интересах. Считается, что такая экономика, если предоставить ее самой себе, будет порождать оптимальные результаты для всех и каждого – какой бы несправедливой ситуация ни казалась, – будто бы направляемая пресловутой «невидимой

не жалуется. Его слова звучали бы убедительнее, если бы не было стольких свидетельств травли и домогательств к женщинам на кафедрах экономики. Alice Wu, *Gender Stereotyping in Academia: Evidence from Economics Job Market Rumors Forum* (тезисы, Калифорнийский университет в Беркли, декабрь 2017 г.), https://growthecon.com/assets/Wu_EJMR_paper.pdf.

² Wolfers, «Why Women's Voices Are Scarce in Economics»; American Physical Society, «Doctoral Degrees Earned by Women», <https://www.aps.org/programs/education/statistics/fraction-phd.cfm>. Данные до 2017 года получены из Интегрированной системы данных о высшем образовании и от Американского физического общества.

³ John T. Harvey, «Do Women Avoid Economics... or Does Economics Avoid Women?» *Forbes*, 11 января 2019 г., <https://www.forbes.com/sites/johntharvey/2019/01/11/do-women-avoid-economics-or-does-economics-avoid-women/#642585aa2f32>; Winkler, «„Hotter“, „Lesbian“, „Feminazi“».

⁴ «Market Power: Women in Economics», *Economist*, 23 марта 2019 г., 11–12; Daly «Economics Trails the Sciences in Attracting a Diverse Student Mix»; Wolfers, «Why Women's Voices Are Scarce in Economics»; «Inefficient Equilibrium»; Winkler, «„Hotter“, „Lesbian“, „Feminazi“»

⁵ «Inefficient Equilibrium.»

рукой рынка» Адама Смита. Если кто-то не получил преимуществ от этого экономического волшебства, ему либо чего-то не хватает от природы, либо он сам предпочитает пребывать в таком неблагоприятном положении.

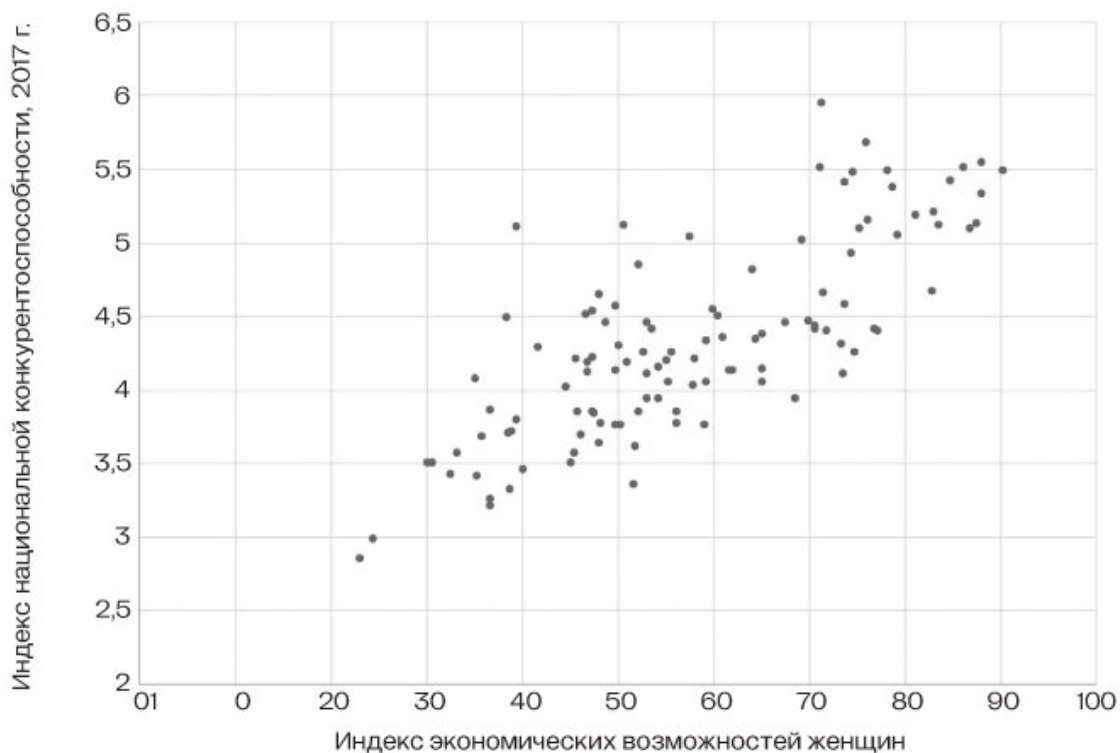
Женской экономике приходится бороться с условиями, которые настолько противоречат этим базовым предпосылкам, что подрывают философию как таковую. Как мы еще увидим в этой книге, у женщин как группы резко сужено число вариантов: от них активно скрывают важную информацию и наказывают за проявление чего-то похожего на собственные интересы. Когда речь заходит об экономических решениях, женщины вообще редко действуют независимо. Вернее будет сказать, что их часто заставляют действовать иррационально – вопреки их собственным интересам. Женщинам приходится бороться не просто с неравными экономическими результатами, а с *исключением* из экономики, и для осмысления этого обстоятельства у «мрачной науки» даже нет инструментов. Единственное объяснение, которое может предложить господствующая философия, заключается в том, что а) женщины хуже в экономической деятельности любого рода из-за биологических особенностей либо б) они *сами хотят* быть в менее привилегированном положении во *всех* странах и *всех* сферах мировой экономики, – предположение, отдающее как фанатизмом, так и предвзятостью. Очевидно, что даже на самом глубинном уровне экономическая философия глобального рынка неспособна учесть половину мирового населения. Как предупреждает женщина-экономист в статье Financial Times, «когда экономическими исследованиями и политическим консультированием занимаются в основном мужчины, это так же плохо, как проверять лекарства в основном на мужчинах. Результаты не будут валидны как минимум у половины населения»⁶.

Ригидность академических кругов привела к тому, что анализом данных, очертивших профиль женской экономики, занялись не университеты, а группы по гендерным вопросам в крупных международных агентствах. В начале этого века такие авторитетные организации, как Программа развития ООН и Всемирный экономический форум, начали сопоставлять параметры, отражающие положение женщин (образование, трудоустройство, представленность в руководстве, состояние здоровья, юридические права), с данными об эффективности национальных экономик⁷. Учитывая базовые послышки всем-знакомой-экономии, они были весьма удивлены бросающейся в глаза позитивной корреляцией между равноправием мужчин и женщин и жизнеспособностью национальных экономик (рис. 1). Там, где гендерное равенство было на высоком уровне, национальный доход и уровень жизни также был высок. Там, где гендерным равенством были проблемы, страна не могла выбраться из нищеты и конфликтов.

Экономические возможности женщин и национальная конкурентоспособность

⁶ Coyle, “Economics Has a Problem with Women.”

⁷ Первая попытка была предпринята еще в 1995 году в «Отчете о развитии человечества» Программы развития ООН, однако затем последовал долгий период молчания. Лишь в 2006 году, когда Всемирный экономический форум опубликовал свой первый «Отчет о глобальном гендерном разрыве», другие организации начали сообщать о связи между гендерным равенством и здоровьем экономики. С 2006 по 2012 год вышло несколько важных отчетов подряд, и после этого активность растет с каждым годом. *Gender, Equality and Development* (Washington, DC: World Bank Group, 2012); Organisation for Economic Cooperation and Development, *Closing the Gender Gap: Act Now!* (Париж: Организация экономического сотрудничества и развития, 2011); UNICEF, *State of the World's Children: Women and Children – The Double Dividend of Gender Equality* (Нью-Йорк: ЮНИСЕФ, 2007). На этом этапе, к началу 2019 года, отчеты крупных организаций стали выходить каждый год.



Экономические возможности женщин и ВВП

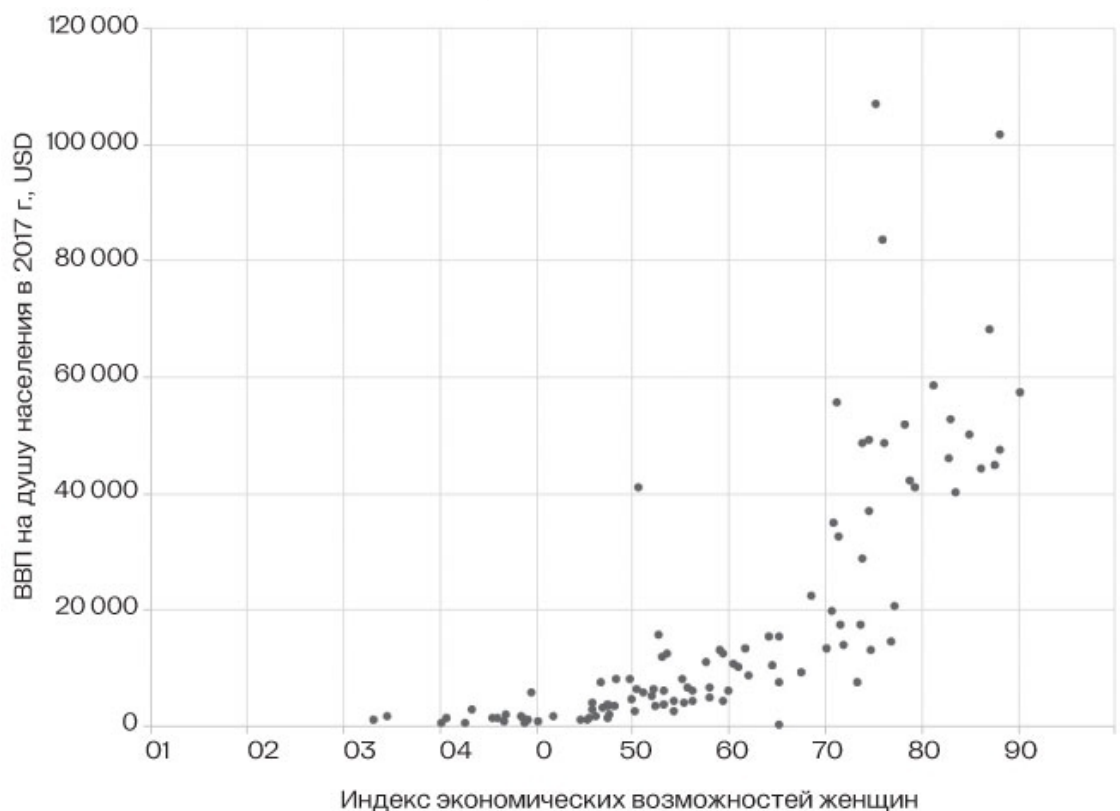


Рис. 1. Точки на обоих графиках показывают связь индекса экономических возможностей женщин с готовностью экономики расти (сверху) и валовым внутренним продуктом (снизу). На каждом графике примерно сотня стран – все, для которых имеются данные. Направление точек вправо вверх на верхнем графике говорит о том, что большая экономическая свобода женщин положительно влияет на национальную конкурентоспособность, что отра-

жают готовность страны к развитию. Внизу представлена аналогичная связь между ВВП на душу населения и расширением экономических возможностей женщин. В совокупности эти графики демонстрируют состояние «до» и «после» повышения ВВП и подразумевают, что свобода женщин положительно сказывается на национальном богатстве. Другие данные подтверждают этот вывод.

Источники: ВВП по паритету покупательной способности – база данных Всемирного банка, индекс экономических возможностей женщин – Economist Intelligence Unit, индекс национальной конкурентоспособности – Всемирный экономический форум.

Первая реакция не заставила себя ждать: «Конечно, в бедных странах мужчинам приходится доминировать, потому что там надо заботиться о выживании. В богатых странах больше комфорта, поэтому можно себе позволить дать женщинам больше свободы»⁸. Однако никаких доказательств того, что мужское преобладание необходимо для выживания, нет. Более того, теперь можно достаточно уверенно говорить, что чрезмерное доминирование мужчин является дестабилизирующим фактором и уменьшает шансы выжить, чему немало способствует его более высокая конфликтогенность. Тем не менее «очевидное» объяснение, будто равенство полов – это роскошь, а власть мужчин каким-то образом повышает благополучие населения, соответствовало расхожим представлениям, и до поры до времени его принимали как должное.

Ежегодный отчет Всемирного экономического форума Global Gender Gap Report 2006 года позволил взглянуть на экономику полов по-другому. Из него следовало, что участие женщин в национальных экономиках на равных правах стимулирует рост, а без их справедливой интеграции страны стагнируют. Вывод напрашивался сам собой: дело не в том, что богатые страны могут позволить себе освободить женщин, а в том, что освобождение женщин делает их богатыми. Таким образом, решением для бедных стран было бы взять пример с богатых и позаботиться о равенстве полов.

Еще больше данных предоставляют теперь и Международный валютный фонд, Всемирный банк, ЮНИСЕФ и ряд глобальных мозговых центров⁹. К 2018 году собранные материалы в совокупности позволили доказать, что гендерное равенство положительно отражается на богатстве страны и всеобщем благосостоянии, а монополия мужчин оказывает негативное воздействие на экономику. В тот же период менее масштабные практические исследования – такие, например, как наше в Гане – помогли изучить механизмы, которые приводят к неравенству полов, и подобрать эффективные подходы к устранению ограничений женского участия. В конечном счете понимание роли женщин в экономике изменилось радикальным образом.

Женскую экономику можно представить как аналог подпольной экономики, экономики фриланса, информационной экономики, неформальной экономики. Каждая из них – заметный элемент мировой системы, но ни одна не является в полной мере независимой. Каждая оказывает воздействие на глобальную экономику и будет играть роль в ее будущем – к лучшему или к худшему. В женской экономике есть свои подходы к ведению бизнеса, а также типичные продукты и услуги. Хотя многие предпочитают ее не замечать – как и подпольную экономику, – у

⁸ См., в частности, Ronald Inglehart and Pippa Norris, *Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change Around the World* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003).

⁹ Katrin Elborgh-Woytek, Monique Newiak, Kalpana Kochlar, Stefania Fabrizio, Kangni Kpodar, Philippe Wingender, Benedict Clements, and Gerd Schwartz, *Women, Work and the Economy: Macroeconomic Gains from Gender Equity* (Вашингтон: Международный валютный фонд, 2013); DeAnne Aguirre, Leila Hoteit, Christine Rupp, and Karim Sabbagh, *Empowering the Third Billion: Women and the World of Work* (New York: Booz and Company 2012); Sandra Lawson and Douglas B. Gilman, *The Power of the Purse: Gender Equality and Middle-Class Spending* (New York: Goldman Sachs Global Market Institute, 2009); Jonathan Woetzel, Anu Madgavkar, Kweilin Ellingrud, Eric Labaye, Sandrine Devillard, Eric Kutcher, James Manyika, Richard Dobbs, and Mekala Krishnan, *The Power of Parity* (New York: McKinsey Global Markets Institute, 2015); “Pursuing Women’s Economic Empowerment, Meeting of the G7 Ministers and Central Bank Governors, 1–2 июня 2018 г., Whistler, Canada,” подготовлено сотрудниками Международного валютного фонда, 31 мая 2018 г., <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2018/05/31/pp053118pursuing-womens-economic-empowerment>; ЮНИСЕФ, «Положение детей в мире».

женской экономики есть свое прошлое, и она будет влиять на будущее. Цель движения за расширение экономических возможностей женщин заключается в том, чтобы это будущее было лучше, а не хуже.

Когда наше движение только начиналось, мы представляли женскую экономику как фактор, стимулирующий экономическое развитие. Эта стратегия нравилась аудитории – в основном экономистам и министрам финансов, которых интересовал рост и совершенно не трогали ссылки на социальную справедливость. Со временем мы начали показывать направление и масштабы последствий интеграции женщин (и ее отсутствия) на примере ВВП, поэтому я буду использовать этот показатель. Но при этом необходимо отметить, что я не говорю о предоставлении женщинам равных прав исключительно ради экономического развития: стремление к росту любой ценой характерно как раз для патриархальных экономических систем и не должно быть нашей главной целью.

Числа показывают, что женская экономика огромна: экономисты не замечают ее только из-за твердолобого нежелания ее видеть. Для иллюстрации: страна с экономикой размером с американскую женскую экономику могла бы претендовать на место в «Большой семерке». Уже сейчас женщины создают около сорока процентов мирового ВВП, и недалек тот час, когда их вклад сравнится с мужским. Женщины вносят почти пятьдесят процентов в объем мирового сельскохозяйственного производства. Женщины – это половина нашего вида, половина национального дохода и половина снабжения продовольствием. И тем не менее экономисты и те, кто принимает решения в политике, относятся к ним как к статистам¹⁰.

Помимо всего, женская экономика – самый надежный источник экономического роста. В 1970-х годах женщины массово вышли на рынок труда в Северной Америке и Западной Европе, что вызвало экономический подъем, который сделал эти страны моторами современного мирового прогресса. Способность работающих женщин создавать процветание доказывают данные из ста шестидесяти трех стран¹¹. Мужчины повсеместно являются краеугольным камнем экономики, практически все они работают, причем более-менее постоянно. Они уже достигли максимума и, следовательно, не смогут обеспечить развитие, если только не произойдет революция в производительности труда. Женщины, напротив, зачастую остаются нетронутым или недостаточно используемым ресурсом, привлечение которого заставит экономику расти. Данные свидетельствуют, что эффект от этого является дополняющим: вопреки опасениям, новый тренд не приводит к тому, что мужчины теряют работу. Мнение, будто интеграция женщин в экономику – это игра с нулевой суммой, то есть что один пол выигрывает за счет другого, – на поверку оказывается ошибочным.

Расширение экономических возможностей женщин не только помогает странам процветать, но и улучшает социальную среду. Кстати, верно и обратное: там, где женщины закабалены, страдают все. Для беднейших, наиболее нестабильных стран характерны самые плохие показатели гендерного равенства; там экономическое исключение женщин оказывает разрушительное воздействие на все сферы жизни, мешая выбраться из нищеты и способствуя насилию, голоду, пренебрежению детьми, растрате ресурсов, рабству и конфликтам. Вредные последствия тотального мужского доминирования в этих обществах ощущает вся планета.

¹⁰ Woetzel et al, *The Power of Parity*, 26. По данным McKinsey, в среднем по миру этот показатель в 2015 году составлял тридцать семь процентов, однако вклад женщин в ВВП в больших экономиках выше, и он растет, поэтому на данный момент я осторожно оцениваю его как приблизительно сорок процентов. См. также: Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, “Women in Agriculture: Closing the Gender Gap for Development”, in *The State of Food and Agriculture* (Рим: Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, 2011).

¹¹ Ewa Lechman and Harleen Kaur, “Economic Growth and Female Labor Force Participation – Verifying the U-Feminization Hypothesis: New Evidence for 162 Countries over the Period 1990–2012,” *Economics and Sociology* 8, no. 1 (2015): 246–257. Дискурс о работающих женщинах и развитии в значительной мере основан на работах гарвардского профессора Клаудии Голдин. См., например: Claudia Goldin, “The U-Shaped Female Labor Force in Economic Development and Economic History”, NBER Working Paper Series, no. 4707 (Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 1994).

Расширение возможностей женщин теперь можно считать доказанной стратегией борьбы против страданий. «Исследование за исследованием показывают нам, что нет более эффективного инструмента, чем расширение прав женщин, – писал в 2007 году генеральный секретарь ООН Кофи Аннан во вступительном слове к отчету ЮНИСЕФ “Положение детей в мире”. – Никакая другая политика не повышает экономическую производительность и не снижает детскую и материнскую смертность с такой вероятностью. Никакая другая политика не является таким верным средством улучшить питание и способствовать здоровью, в том числе профилактике ВИЧ/СПИД. Никакая другая политика не является столь мощным средством повысить шансы следующего поколения получить образование»¹². Однако, несмотря на доказанную способность экономически равноправных женщин облегчить положение бедных стран, женщины получают лишь мизерную долю международной помощи.

По всей планете за исключение женской экономики приходится дорого расплачиваться упущенными возможностями. Например, неумение богатых стран инвестировать в уход за детьми вынуждает миллионы женщин, которые предпочли бы полноценно работать, переходить на неполную ставку или увольняться и тем самым уменьшает ВВП на миллиарды долларов. Этот «штраф за материнство», с одной стороны, – крупнейший фактор гендерного неравенства в оплате труда, которое, по оценке Всемирного банка, стоит международной экономике 160 триллионов долларов США ежегодно¹³. С другой – это удар по женской экономике за выполнение одной из ее важнейших задач: создание человеческого капитала.

Образованное, здоровое население – ресурс, ценность которого для современной экономики сложно переоценить. На Западе, однако, детей все больше стали рассматривать не как общественный актив, а как личную роскошь. Родителям приходится самим вкладывать в детей силы и средства до тех пор, пока те не начнут себя содержать. К тому же они редко рассчитывают на экономическую помощь от подросших отпрысков, поэтому воспитание последних воспринимается не как инвестиция, а как разновидность потребления. Наверное, именно поэтому жители богатых стран забыли о том, как важно каждое подрастающее поколение для своих предшественников: всем нам приходится полагаться на *чужих детей*, которые работают пожарными, полицейскими, строителями, не говоря уже об учителях, врачах, музыкантах и библиотекарях – они делают нашу жизнь безопаснее и отраднее.

Женская экономика закладывает фундамент позитивного будущего благодаря разумным расходам на семью и сообщество. *Повсеместно* бытует мнение, будто мужчины – рациональные и ответственные потребители, а женщины легкомысленно транжируют деньги на одежду и косметику, но данные свидетельствуют, что такое убеждение – плод неприкрытой гендерной идеологии. Вместо того чтобы делиться со своими семьями и инвестировать в образование детей, мужчины предпочитают тратиться на потакание своим слабостям, а зачастую и порокам: алкоголю, курению, азартным играм, проституции и покупке оружия. Напротив, женщины как группа в первую очередь заботятся о семьях – особенно детях – и своей общине. В отчете Института глобальных рынков Goldman Sachs говорится, что для создания среднего класса, обеспечивающего стабильность любой рыночной экономики, страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) и страны Next 11 (Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Мексика, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Турция, Южная Корея и Вьетнам) должны добиться гендерного равенства. По мнению Goldman Sachs, средний класс формируют именно денежные расходы женщин на повышение благосостояния домохозяйства: питание, образование, медицинскую помощь, одежду, заботу о детях и товары длительного пользования¹⁴. Исследования раз за разом демон-

¹² ЮНИСЕФ, «Положение детей в мире».

¹³ Quentin Wodon and Benedicte De La Briere, *Unrealized Potential: The High Cost of Gender Inequality in Earnings* (Washington, DC: World Bank Group, Children's Investment Fund Foundation, Global Partnership for Education, Canada, 2018).

¹⁴ Lawson and Gilman, *The Power of the Purse*.

стрируют, что даже в самых бедных регионах предоставление женщинам экономических возможностей повышает расходы на образование, питание и медицинскую помощь, тем самым укрепляя страну.

Несмотря на ключевую роль женщин в нашем материальном благополучии, женскую экономику стабильно недооценивают. Повсеместно бытует убеждение, что женщинам просто меньше положено. Это проявляется, например, в равенстве платы за аналогичную работу¹⁵. Всемирный экономический форум – организация, которая каждый год собирает данные на эту тему, – провела «обзор мнения руководителей» – опрос менеджеров в ста тридцати двух странах. Респондентов спрашивали: «В какой степени в вашей стране женщинам платят столько же, сколько мужчинам, за ту же работу»? Сумма ответов – не прямое указание на фактические зарплаты, а оценка принятой в данной стране практики: сколько женщинам платят традиционно и, как подразумевается, *справедливо*. На рис. 2 вы можете убедиться, что в мире нет страны, где обоим полам принято было бы платить за ту же работу одинаково. Считается, что женщины – чем бы они ни занимались – заслуживают получить около шестидесяти пяти процентов того, что дают мужчинам. Этот предрассудок ставит женщин в подчиненное положение во всех сферах экономики.



Рис. 2. Неравенство в оплате труда выражено как процент от мужской зарплаты, которую женщины получают за такую же или аналогичную работу. Черной линией обозначен уровень, при котором женщинам и мужчинам платили бы одинаково. Как легко заметить, ни в одной стране мира женщинам не принято платить за ту же работу столько же. Страны расположены в порядке латинского алфавита, начиная с Албании и заканчивая Венесуэлой.

Источник: Всемирный экономический форум, *The Global Gender Gap Report*, 2018.

Во всех видах деятельности, во всех отраслях вне зависимости от профессии и во всех странах женщинам платят меньше, чем мужчинам. К этому выводу приводит любой источник информации об оплате труда независимо от метода сбора данных, и другой результат можно получить лишь с помощью целенаправленных подтасовок. К сожалению, многие апологеты мужского доминирования именно этим и занимаются, чтобы иметь возможность продвигать мем, будто «гендерное неравенство зарплат – фикция». Эти тролли манипулируют данными, игнорируя явно зависящие от пола факторы – особенно влияние работы по дому и ухода за

¹⁵ World Economic Forum, *The Global Gender Gap Report*, 2006–2018.

детьми на женскую карьеру, – а потом торжествуя заявляют, что никакой гендерной дискриминации не существует.

На самом деле центральный вопрос женской экономики – бремя прислуживания. Так называемые «домашние обязанности» наказывают работающих женщин и повышают их личные экономические риски. Женщины в любой стране суммарно работают столько же, сколько мужчины (а то и больше), но из-за дополнительной неоплачиваемой работы по дому у них остается меньше часов на оплачиваемую работу и досуг. Мужчины имеют возможность больше работать за деньги – и получать за это экономические преимущества – только потому, что дома им служат женщины.

Межнациональные сравнения показывают цену такого компромисса для женщин и государств. На рис. 3 на стр. 28 видно, что приход женщин на рабочие места привел к росту ВВП на душу населения в богатых странах, например в Швеции, Соединенных Штатах и Великобритании, – везде, где число трудящихся женщин и мужчин приблизительно равное. Но и в этих странах женщины продолжают выполнять больше работы по дому – в Швеции на тридцать процентов, в Великобритании почти в два раза, – и из-за этого оплачиваемых рабочих часов у них меньше. Вывод: женщины и мужчины суммарно работают равное время, но мужчинам за большую часть этого времени платят, а женщинам нет. В Мексике, Турции и Индии женщины трудоустроены реже, и, следовательно, у этих стран ниже ВВП: оставить женщин дома – значит потерять ценные возможности. Женщины выполняют там от трех до семи раз больше домашней работы, чем мужчины. В Турции и Индии это бремя так велико, что суммарно женщинам ежедневно приходится трудиться на час-два дольше, чем мужчинам: муж уже смотрит телевизор, а жена все еще драит шваброй полы.

Оплачиваемая и неоплачиваемая работа в зависимости от пола

	Соотношение женщин к мужчинам среди трудоустроенных	ВВП на душу населения, тыс. USD	Неоплачиваемая работа в неделю (соотношение женщин к мужчинам)	Суммарная продолжительность работы в неделю (соотношение женщин к мужчинам)	Место в рейтинге участия в экономике и экономических возможностей ВЭФ на 2017 год (из 144)
Швеция	95	51,5	1,3	1,00	12
США	86	59,5	1,6	1,01	19
Великобритания	87	44,1	1,8	1,04	53
Мексика	59	19,9	2,8	1,02	124
Турция	44	26,9	3,6	1,15	128
Индия	35	7,2	6,8	1,21	139

Рис. 3. Процент работающих женщин в этой таблице уменьшается сверху вниз, в целом соответствуя ВВП на душу населения: это показывает связь между женским трудоустройством и национальным богатством. В третьем столбце показана доля времени, которую женщины тратят на неоплачиваемую работу по сравнению с мужчинами. Четвертый столбец отражает совокупную продолжительность женского труда – оплачиваемого и неоплачи-

ваемого – по сравнению с мужским. В пятом столбце приведено положение страны в рейтинге экономического участия и возможностей Всемирного экономического форума. Чем больше работы по дому выполняют женщины, тем меньше у них возможностей.

Источники: трудоустройство и положение в рейтинге экономического участия и возможностей – Всемирный экономический форум, Отчет о глобальном гендерном разрыве, 2017 г.; ВВП на душу населения – CIA, World Factbook, 2017 г.; распределение времени – база данных Организации экономического сотрудничества и развития, доступ 2 ноября 2018 г.

Экономическая жизнеспособность женщин тем самым обратно пропорциональна их положению дома: чем больше они загружены домашней работой, тем меньше у них экономических возможностей. Кроме того, необходимость прислуживать причиняет им непропорциональные убытки и риски. Считается, как правило, что амбиции мужа стоят на первом месте. *Практически всегда* именно женщина после рождения детей увольняется или переходит на неполную ставку: ее карьера топчется на месте или идет прахом, а свою мужчине тем временем продолжает развивать. Нередко женщинам приходится отказываться от повышения из-за отказов мужей переезжать, хотя их переезд вслед за мужьями обычно само собой разумеется. Женские обязанности неизбежно приводят к более низкой оплате и меньшему карьерному росту, но и это еще не все. Если пара разводится или муж умирает, женщина с детьми начинает испытывать экономические трудности и часто скатывается в нищету. Из-за всех этих неблагоприятных факторов пенсии и сбережения у женщин в итоге существенно скромнее, чем у мужчин, и в старшем возрасте они чаще оказываются беднее, становясь обузой для своих семей и государства¹⁶.

Работа, которую женщины выполняют дома, важна для функционирования экономической системы, однако ее ценность не измеряют, так как показателем экономической активности принято считать исключительно деньги. К сожалению, из-за этого допущения часть экономистов склонна обесценивать этот труд. Именно поэтому экономисты – сторонники феминизма и борцы за экономическое равноправие женщин ставят своей целью заставить чиновников и экспертов измерять эту неоплачиваемую работу количественно и учитывать ее в своих моделях.

Женская экономика никогда не пользовалась той долей богатства, которую она помогает создавать, во многом из-за того, что женщины не были равноправными хозяевами семейных активов. В мировом масштабе женщины составляют менее двадцати процентов землевладельцев. Поскольку долгое время именно земля была для общества главным вместилищем состояния – а владеть ей почти всегда имели право только мужчины, – женщины сегодня повсеместно имеют гораздо меньше капитала. Общее состояние, принадлежащее женщинам, растет, и некоторые из них обогащаются, однако как группа они по-прежнему не получают справедливой доли¹⁷.

Еще одна причина, из-за которой женщины сегодня менее богаты, заключается в том, что у них нет ни возможности хранить деньги безопасно и конфиденциально, ни возможности их инвестировать. Женская экономика веками была отгорожена от финансовой системы: женщины завоевали право иметь банковские счета и кредитные карточки на свое имя лишь в 1970-х годах и только в странах Запада. Сегодня за те же права борются женщины развивающихся стран. К сожалению, неуважение к женщинам – по-прежнему не редкость в сфере финансов, даже если предупредительность и внимание приносят выгоду. Банкиры цепляются за любую отговорку: инвестировать в женщин рискованно, у них на уме одни дети, а не бизнес, как клиенты они неприбыльные и так далее. Все эти унижительные для женщин заявления финансо-

¹⁶ Организация экономического сотрудничества и развития, Closing the Gender Gap.

¹⁷ О землевладельцах: Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, “Gender and Land Rights Database”, <http://www.fao.org/gender-landrights-database/en/>. О богатстве: “Daily Chart: Women’s Wealth Is Rising”, *Economist*, 8 марта 2018 г., <https://www.economist.com/graphic-detail/2018/03/08/womens-wealth-is-rising>.

вого сектора не следует принимать всерьез: эти организации не ведут учет по половому признаку, и их взгляды основаны не на доказательствах, а на стереотипах¹⁸. Они буквально ничего не смыслят в том, о чем говорят.

В мире, где так любят хвалиться открытым обменом и свободой торговли, женской экономике при входе на рынок постоянно приходится бороться с гендерными препятствиями. Гильдии, профсоюзы, кооперативы и отделы маркетинга на Западе были закрыты для женщин еще в недавнем прошлом – а в других частях света это верно и поныне. На уровне глобального обмена, где рынки и прибыли очень велики, женщин исключают почти тотально. Их крайне мало в международной торговле, и они почти не получают крупные договоры о закупках от учреждений: в обеих областях мужчины контролируют невероятные девяносто девять процентов бизнеса. При этом, согласно данным Международного валютного фонда, улучшение гендерного баланса в глобальной торговле было бы благоприятным фактором, так как разнообразие повышает устойчивость экономики к спадам и увеличивает ее инновационность¹⁹.

Женскую экономику на рынках сдерживает и ограниченный доступ женщин к производительным ресурсам: им повсеместно сложнее получить оборудование, рабочую силу и материалы для создания и развития предприятий. Клиенты и поставщики уверены, что женщину не грех обмануть, из-за чего при прочих равных конкурировать с мужчинами по прибыли иногда становится невозможно. И хотя корень проблем кроется в системных препятствиях, предпринимательниц потом любят критиковать за более медленные темпы роста: «женщины ничего не смыслят в бизнесе» или «несерьезно относятся к развитию».

Эффективное функционирование рынка подразумевает свободное движение информации. Однако даже в цифровой век доступ к данным у женщин затруднен. В развитых странах они могут воспользоваться интернетом и мобильной связью на равных с мужчинами, но в остальном мире в этой сфере есть большой гендерный разрыв из-за давно устоявшегося обычая держать женщин дома и контролировать их контакты с внешним миром.

Доступ женской экономики к информации всегда был непростым из-за исторических ограничений на женское образование. С момента изобретения письменности и математики общество препятствует женскому образованию. В древних культурах женщинам запрещалось быть грамотными – и даже сегодня взрослые женщины неграмотны чаще, чем любая другая группа населения. На протяжении тысячелетий образование для девочек – если оно вообще существовало – было сосредоточено на домоводстве, а проблемы юриспруденции, медицины, финансов, государственного управления и менеджмента были уделом мальчиков. Вплоть до девятнадцатого века женщин не принимали в университеты, а отдельные дисциплины – прежде всего естественные науки и математика – открылись для них лишь после Второй мировой войны. В 1990-х годах разрыв в этих сферах исчез и достижения стали равными, потому что государство наконец предоставило женщинам полноценный доступ к занятиям высшей математикой²⁰. Любые заявления о недостаточных познавательных способностях не имеют под собой никаких научных обоснований: мозг женщин не уступает мужскому – просто мужчины не давали женщинам учиться.

Сегодня впервые в истории мы близки к тому, чтобы женщины сравнялись с мужчинами по образованности – в развитых странах они уже образованны в равной или большей степени, –

¹⁸ *Measuring Women's Financial Inclusion: The Value of Sex-Disaggregated Data* (Washington, DC: Global Banking Alliance for Women, Data 2X, InterAmerican Development Bank, 2015).

¹⁹ Susan Harris Rimmer, *Gender-Smart Procurement Policies for Driving Change* (London: Chatham House, 2017); Romina Kazandjian, Lisa Kolovich, Kalpana Kochhar, and Monique Newiak, "Gender Equality and Economic Diversification", International Monetary Fund Working Paper, WP/16/140, <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2016/wpl6140.pdf>.

²⁰ Gerda Lerner, *The Creation of Patriarchy* (Oxford: Oxford University Press, 1986); Janet S. Hyde, Sara M. Lindberg, Marcia C. Linn, Amy B. Ellis, and Caroline C. Williams, "Gender Similarities Characterize Math Performance", *Science* 321 (2008): 494–495; E. Zell, Z. Krizan, and S. R. Teeter, "Evaluating Gender Similarities and Differences Using Metasynthesis", *American Psychologist* 70 (2015): 10–20.

однако им по-прежнему не дают осознать свой потенциал. Только представьте, в странах «Большой семерки» – Соединенных Штатах, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Японии и Канаде – женщины в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти четырех лет имеют на десять процентов большую вероятность получить высшее образование, чем мужчины того же возраста (рис. 4). Хотя доля работающих среди женщин очень высока и они занимают столько же специализированных и технических должностей, требующих высокого уровня подготовки и навыков, карьера у них развивается медленнее, чем следовало бы из их квалификации, и мужчины вдвое чаще занимают руководящие посты в государственном и частном секторе. Отсутствие карьерного роста – одна из причин, почему во всех странах «Большой семерки» заработки женщин составляют всего шестьдесят два процента мужских. Тем временем девушки в этих странах в наше время поступают в высшие учебные заведения почти на двадцать процентов чаще; если не снять барьеры, мешавшие предыдущему поколению, им будет так же тяжело взбираться по карьерной лестнице и на каждом этапе их будут ждать проблемы с трудоустройством.



Рис. 4. В таблице показано соотношение женщин к мужчинам по ключевым экономическим параметрам. Черная линия обозначает равенство женщин и мужчин: если столбец выше нее, женщины обгоняют мужчин, если ниже – равенство не достигнуто. Если смотреть слева направо, женщины в странах «Большой семерки» на десять процентов опережают мужчин по числу окончивших вузы, их доля в рабочей силе составляет восемьдесят пять процентов мужской, платят им шестьдесят два цента на доллар, они занимают в два с лишним раза меньше руководящих постов, с той же вероятностью работают на должностях, требующих специализированных навыков, и в данный момент поступают в высшие учебные заведения почти на двадцать процентов чаще.

Источник: Всемирный экономический форум, The Global Gender Gap Report, 2017.

Давайте подумаем, на какие средства эти женщины получают образование. В ход идут семейные сбережения, государственные займы и стипендии, дары спонсоров университетам,

средства налогоплательщиков. Государства направляют значительные ресурсы, чтобы женщины были образованнее, но при этом используют их таланты недостаточно.

По иронии странам «Большой семерки» грозит перспектива замедления и даже полной остановки экономического роста, и лучшая интеграция женщин решила бы эту проблему. Возрастает и угроза нехватки навыков: новые рабочие места будут требовать высококвалифицированного персонала, взять который будет неоткуда отчасти потому, что «Большая семерка» разбазаривает свои лучшие кадры. Судя по всему, женская экономика – самый бездумно растрачиваемый ресурс на планете.

Не менее важна для национальных экономик и способность гендерного равенства сокращать затраты, мешающие развитию. Например, домашнее насилие: оно тесно связано с гендерным экономическим неравенством в сообществах и крайне дорого обходится государству. Это не только неизмеримые человеческие страдания, но и звонки в полицию и скорую помощь, убежища для женщин, пропущенные рабочие дни, психологическая реабилитация. Все это имеет свою цену, и на ее основе можно вычислить совокупные убытки. В 2014 году Copenhagen Consensus Center оценил, что насилие над женщинами со стороны сожителей обходится мировой экономике в 4,4 триллиона долларов США в год или пять процентов ВВП; чтобы было понятнее, примерно столько же тратится на начальное образование, и это в тридцать раз больше, чем весь мир вкладывает в международную помощь. Поскольку нападения часто происходят на глазах у детей – и мальчики склонны повторять это поведение во взрослом возрасте, – экономическое воздействие будет ощущаться еще очень долго.

В глобальном масштабе это явление распространено неравномерно: насилие со стороны партнера гораздо чаще встречается в бедных, терзаемых конфликтами странах, где с гендерным равенством все очень плохо. В Швеции, например, насилие дома испытали двадцать четыре процента женщин, а в Афганистане – целых восемьдесят семь²¹. Несомненно, даже для Швеции это очень много, но только подумайте, что семьдесят шесть процентов шведов не причиняют своим партнершам вреда и вообще, вероятно, никогда не проявляют насилия, и то же самое можно сказать лишь о тринадцати процентах афганцев. Безусловно, мужчины в целом куда более склонны применять силу, и это всегда дорого обходится. Однако в странах с высоким гендерным равенством меньше насилия *всех* видов. После окончания Второй мировой войны во всем мире стало меньше даже вооруженных конфликтов между государствами²².

Сокращение глобального насилия на протяжении последних семидесяти пяти лет в научных кругах и международной политике получило название «долгий мир». Еще в 1940-х годах были основаны такие официальные институты, как Организация Объединенных Наций и Европейский союз, целью которых ставилось поддержание мира и предотвращение повторения ужасов Второй мировой войны – самой кровопролитной в человеческой истории и унесшей пятьдесят восемь миллионов жизней. В этих организациях одним из приоритетов является гендерное равенство. И действительно, эксперты связывают послевоенное снижение международного насилия с тремя главными факторами: расширение международной экономической деятельности, распространение демократии и резкий прогресс в области равенства между мужчинами и женщинами²³.

²¹ WHO Multi-country Study on Women's Health and Domestic Violence Against Women: Summary Report – Initial Results on Prevalence, Health Outcomes and Women's Responses (Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2005); Alike Hoeffler and James Fearon, "Conflict and Violence Assessment Paper", Copenhagen Consensus Center, 22 августа 2014; Bjørn Lomborg and Michelle A. Williams, "The Cost of Domestic Violence Is Astonishing", *Washington Post*, 22 февраля 2017; Valerie Hudson, Bonnie Ballif-Spanvill, Mary Caprioli, and Chad Emmett, *Sex and World Peace* (New York: Columbia University Press, 2014).

²² Max Roser, "War and Peace," Our World in Data, <https://ourworldindata.org/war-and-peace>. См. также: Steven Pinker, *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined* (New York: Viking, 2011).

²³ Обзор и обсуждение статистики см. в Conor Seyle, "Is the World Getting More Peaceful?" OEF Research, a program of One Earth Future, <https://oefresearch.org/think-peace/world-getting-more-peaceful>.

Чтобы сохранить мир, творцы послевоенного мироустройства хотели переключить экономическую деятельность с военных расходов на международную торговлю. К сожалению, уже к началу 1950-х годов Запад, в ответ на агрессивную позицию Советского Союза, был вынужден вновь начать вооружаться. Говоря об этом, генерал Дуайт Эйзенхауэр, президент Соединенных Штатов, сокрушался:

Каждая произведенная пушка, каждый спущенный на воду боевой корабль, каждая выпущенная ракета в конечном счете означает кражу у тех, кто голоден и недоедает, у замерзающих и раздетых. Вооруженный мир – это не только трата денег. Это растроченный пот рабочих, гений ученых, надежды детей... Это не образ жизни в истинном смысле. Под тучей военной угрозы на железном кресте распято человечество²⁴.

Несмотря на развитие международной торговли и сохранение «долгого мира», «холодная война» привела к масштабной гонке вооружений. Мир много тратит на оружие и сегодня: Соединенные Штаты выделяют на свои вооруженные силы более половины дискреционного бюджета, причем при президенте Трампе эта сумма резко выросла. Задумайтесь, сколько хорошего можно сделать, если направить эти деньги – или хотя бы их часть – в другие сферы! В этой книге я часто буду говорить о связи между экономикой и мужским доминированием, всеми формами насилия и распределением существенных ресурсов.

Ограничения женской экономики подкрепляются угрозой применения силы. Однако сейчас мы хорошо знаем, что мужское насилие *не* свойственно нашему биологическому виду. Если бы оно было жестко встроенным и неизменным, число нападений на женщин не зависело бы от времени и географии – и, безусловно, не было бы целых обществ, подобных Швеции, где подавляющее большинство мужчин насилия не проявляют.

Имеющихся доказательств уже вполне достаточно, чтобы провести различие между двумя группами мужчин: теми, кто поддерживает гендерное равенство, и теми, кто его не поддерживает. Опросы – прежде всего в западных странах – показывают, что большинство мужчин разделяют принципы этого подхода, например равенство доступа к благам, оплаты труда и карьерного роста. Тем не менее по-прежнему есть мужчины, враждебно настроенные к присутствию женщин в экономике и вытекающему из этого повышению статуса последних. Сама эта тема быстро выводит их из себя, а это, в свою очередь, распространяется, как круги по воде, и влияет на окружающих их мужчин. Более того, незаметным для этих вспыльчивых ребят образом гендерное неравенство поддерживают многие экономические институты. К тому же в их подчинение зачастую попадают более благоразумные мужчины – во многом потому, что в этих организациях агрессию продолжают считать полезным для лидера качеством. Несомненно, подобные групповые виды поведения и институциональные нормы мощно поддерживают гендерный разрыв в экономике, однако их действие остается незамеченным из-за стремления побыстрее свалить вину на женщин. Поэтому в дальнейшем я буду подчеркивать роль групп, а также проводить различие между *некоторыми* мужчинами и *большинством* мужчин.

Трагичным результатом исключения женщин из экономики стало то, что сами они превратились в товар. Работоторговля, о которой я уже упоминала в начале этой главы, – глобальное явление, которое сегодня достигло небывалых масштабов. Подавляющее большинство рабов – примерно семьдесят процентов – женщины. И хотя жертвами их обычно делает экономическая уязвимость, работоторговля характерна не только для бедных стран – возьмите, к примеру, недавно разоблаченную сутенерскую деятельность Джеффри Эпштейна. Эта трагичная история показывает также, что институты, призванные защищать уязвимых женщин, зачастую подводят. В том числе и по этой причине Кевин Бейлз, ведущий эксперт по торговле людьми,

²⁴ Обращение Дуайта Эйзенхауэра к Американскому обществу редакторов газет, 16 апреля 1953 г., доступно онлайн.

полагает, что единственный способ избавить мир от рабства заключается в предоставлении жертвам экономических прав и возможностей²⁵.

Женская экономика страдает от враждебности на рабочих местах и рынках по всему миру. Большинство женщин пережили сексуальную агрессию на работе лично или знакомы с теми, кто ее испытал, но эту реальность так долго заметали под ковер, что движение #MeToo всех буквально огорошило. Сексуальные агрессоры встречаются на заводах, в высокотехнологичных компаниях, они есть и в Голливуде. Начальники нападают на сельскохозяйственных работниц в поле, где их никто не увидит и не услышит. Венчурные инвесторы стараются «приласкать» женщин, желающих получить средства, а если те не соглашаются – отказывают им в поддержке. Женщинам каждый день угрожает насилие в общественном транспорте. Нет отрасли и нет страны, где женщины были бы в безопасности.

Сильно подтачивают женскую экономику и бытовые предрассудки. Компании и другие институты не хотят смотреть правде в глаза и прячутся за громкими, но неискренними «программами разнообразия», а фанатизм называют «неосознанной предвзятостью». Однако неосознанная предвзятость – это конкретный когнитивный феномен, когда из-за сложившихся привычек восприятия мозг «упрощает себе работу». Такие упрощения и правда приводят иногда к невольным несправедливым поступкам, хотя их первопричина все равно в том, что мозговые связи сформировались после многих лет убеждения, что женщины менее важны. «Неосознанную предвзятость» очень выгодно использовать в качестве дымовой завесы, чтобы спрятать от обвинений всех, кто допускает дискриминацию – неосознанную или открытую. При этом ярлык «невольного предубеждения» помогает прикрыть тех, кто предубежден вполне сознательно, что дает им возможность упорствовать в своих предрассудках и заниматься дискриминацией.

В компаниях со значительным преобладанием мужчин – как правило, там, где они составляют свыше семидесяти процентов сотрудников, – приставания и дискриминация женщин встречаются чаще. Но в тех же организациях существует явная склонность плохо относиться и к сотрудникам мужского пола. Травля и самоуправство там привычное дело. В секторах, где доминируют мужчины, работодатели чаще превращаются во «всепоглощающие институты», жаждущие безграничной власти над умственным и эмоциональным состоянием сотрудников, заставляя их ставить работу на первое место, лишая права на личное время и обесценивая любую другую деятельность, включая семейную жизнь и сон. У мужчин в таких организациях значительно чаще встречаются проблемы со здоровьем, особенно болезни сердца. Именно здесь наблюдается явление, которое японцы называют «кароси» – люди буквально «зарабатываются насмерть»²⁶. Токсичную среду в таких фирмах можно отчасти связать с групповой динамикой *между* мужчинами, которая, по мере усиления давления, склонна порождать агрессию и негативное отношение к женщинам.

Гендерный баланс делает рабочее место гостеприимнее и справедливее, одновременно сказываясь и на результатах труда. Исследования уже неоднократно подтверждали, что наиболее продуктивны те рабочие коллективы, в которых есть и женщины и мужчины: они производят более качественную продукцию, внедряют больше инноваций, приносят более высокую прибыль. Если в совете директоров женщин как минимум тридцать процентов, корпорация становится гораздо результативнее и доходнее, снижаются риски, повышается управляемость и подотчетность, управление персоналом становится упорядоченнее, растет прозрачность и

²⁵ Kevin Bales, *Disposable People: New Slavery in the Global Economy* (Berkeley: University of California Press, 2017).

²⁶ Marianne Egger de Campo, «Contemporary Greedy Institutions: An Essay on Lewis Coser's Concept in the Era of the „Hive Mind”», *Czech Sociological Review* 49, no. 6 (2013): 969–986. Исходную концепцию «всепоглощающих институтов» придумал Льюис Козер. См. Lewis Coser, *Greedy Institutions: Patterns of Undivided Commitment* (New York: Free Press, 1974). См., в частности, M. G. Marmot, G. Rose, M. Shipley, and P. J. Hamilton, “Employment Grade and Coronary Heart Disease in British Civil Servants”, *Journal of Epidemiology and Community Health* 32, no. 4 (1978): 244–249.

экологическая устойчивость, руководство реже назначает себе вызывающие возмущение зарплаты и бонусы.

Разнообразие в руководстве корпораций полезно для государства и общества, так как прозрачность и меньшие риски поддерживают стабильность всей экономики. С ценностями, которые в корпоративное лидерство привносят женщины, можно связать многие социальные и экологические плюсы. Исследование, проведенное в 2012 году Калифорнийским университетом в Беркли, показывает, что компании с большим числом женщин в советах директоров склонны инвестировать в возобновляемые виды энергии, активно отслеживают и сокращают воздействие производства и упаковки на окружающую среду, внедряют программы по уменьшению выбросов углерода среди поставщиков, учитывают изменения климата в планировании и финансовых решениях, помогают клиентам управлять климатическими рисками, активно занимаются повышением энергоэффективности своей деятельности, а также смягчают и сводят к минимуму уменьшение биоразнообразия²⁷.

Женская экономика тем самым подразумевает ту этику лидерства, которая способна гасить худшие порывы патриархальной системы. Женщины, на протяжении истории исключенные из мира высоких финансов и быстрого обогащения, похоже, реалистичнее мужчин оценивают риски. На них лежит обязанность воспитывать потомство, поэтому они смотрят дальше своих соотечественников мужского пола, готовы дольше ждать возврата инвестиций и менее терпимы к отложенному ущербу – в том числе окружающей среде. Вероятно, из-за традиционного внимания к дому и взаимоотношениям женщины более склонны инвестировать в свои сообщества, жертвовать на благотворительность и требовать социальной ответственности от тех, чьи продукты и акции они покупают.

В богатых странах подключение женской экономики повышает эффективность и результативность и снижает риски и отходы производства. В беднейших странах она может стать противовесом крайнему мужскому доминированию с его неустанным движением к катастрофе. Но больше всего она может дать странам, занимающим промежуточное положение, – «переходным экономикам» вроде Бразилии и Турции, которые находятся между сравнительно хорошими гендерными условиями богатых стран и отчаянным положением в зонах конфликтов. Эти государства располагают средними доходами и успешно работают над достижением стабильности и процветания, однако они же продолжают оставаться уязвимыми – не в последнюю очередь потому, что половина их населения из-за экономической дискриминации находится в глубоко неблагоприятных условиях. Предоставление женщинам экономических прав и возможностей в домохозяйствах может дать последним как средства к существованию, так и равный голос в семейных решениях, а также снять межличностный стресс и открыть возможности для всех членов семьи.

Женщины находятся в экономически невыгодных условиях во всех странах мира. Более того, они, как представляется, занимают неравную позицию *в любой* группе населения на нашей планете. Нет религии, народности, класса и расы, где женщины были бы столь же экономически независимы, как и мужчины. Именно из-за этого программа по вовлечению женщин в экономику принесет пользу всем сегментам мирового населения, в том числе самым неблагополучным его слоям.

За всю историю у нас еще не было настолько жизнеспособного плана победы над мучениями, достижения справедливости и мира. Еще не было случая, когда решение одной проблемы снимало бы так много других. То, чего мы можем достигнуть, стоит любых усилий: ради этого надо вложить все необходимые средства, изобрести все необходимые инструменты. Настало

²⁷ Kellie A. McElhaney and Sanaz Mobasseri, *Women Create a Sustainable Future* (San Francisco: University of California, Center for Responsible Business, Haas Business School, 2012), https://www.eticanews.it/wp-content/uploads/2012/11/Report-Women_Create_Sustainable_Value.pdf.

время, чтобы все – и женщины и мужчины – объединились в движение за предоставление женской экономике равных прав и возможностей.

2

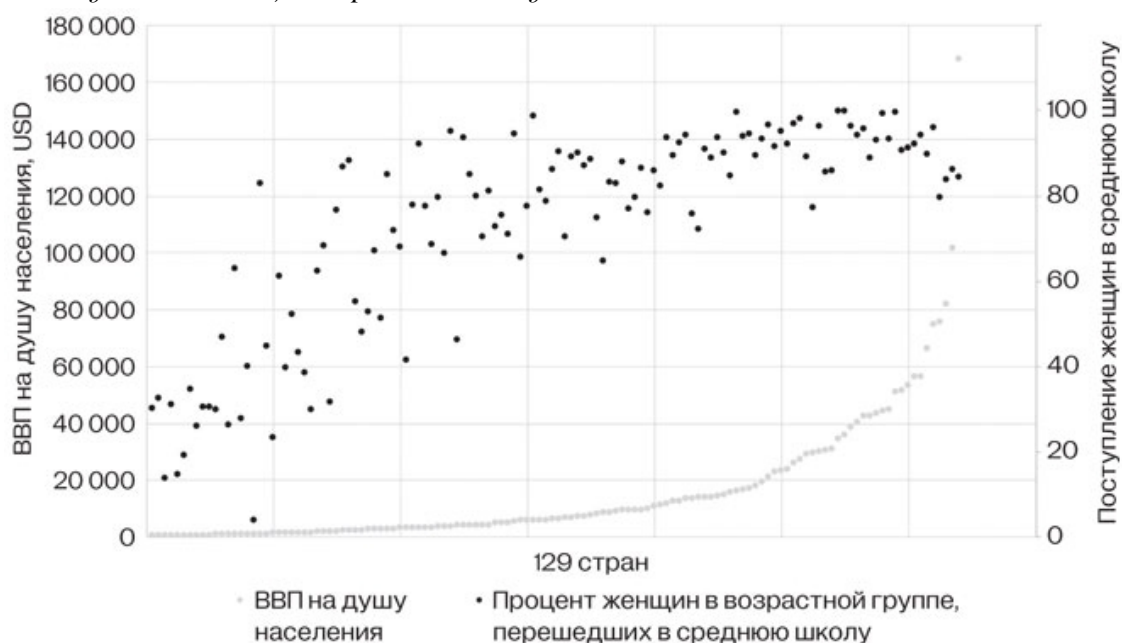
Что стоит за большими данными?

Графики, описывающие женскую экономику, говорят нам, что произошло, но не объясняют почему. Для разработки плана разумных изменений, однако, важно понимать, что именно стоит за этими данными, иначе наши практические шаги ни к чему не приведут или даже причинят вред. Теперь, когда мы представляем картину в целом, необходимо как можно ближе подойти к предмету, который она изображает, и поискать что-то похожее на повествование, а не на электронную таблицу. Позвольте мне это проиллюстрировать и рассказать, чем закончилась история с проектом по раздаче прокладок в Африке, а потом переключиться на другую тему и рассказать об американских школах бизнеса.

Начиная в 2008 году работать с прокладками, мы надеялись ответить на вопрос, который уже привлекал большое внимание в политических кругах. Первые данные выявили сильную корреляцию между средним образованием женщин и ростом ВВП, однако в беднейших странах девочки редко заходили дальше начальной школы. Никто не знал, почему конкретно происходит отчисление, и на эту тему существовало много объяснений: их привлекают к работе по дому, родители предпочитают вкладываться в образование мальчиков, девочки постарше должны заботиться о младших братьях и сестрах.

В Гане было принято считать, что девочки-подростки бросают школу из-за меркантильности: предпочитают обменивать секс на новую одежду и мобильные телефоны. После этого следовало «справедливое наказание» в виде беременности, а затем вынужденное отчисление из школы – по крайней мере, так мне с возмущением объясняли. Как бы самодовольно ни звучала эта история, нужно признаться, что она объясняла еще одно явление: чем больше девочек шло в школу, тем ниже была подростковая фертильность. Обратная корреляция между школьным образованием и беременностью выглядела достаточно логично, но было не вполне ясно, почему какой-то из этих факторов должен вести к росту ВВП (рис. 5).

Поступление женщин в среднюю школу и ВВП, 2015 г.



Подростковая фертильность и ВВП, 2015 г.

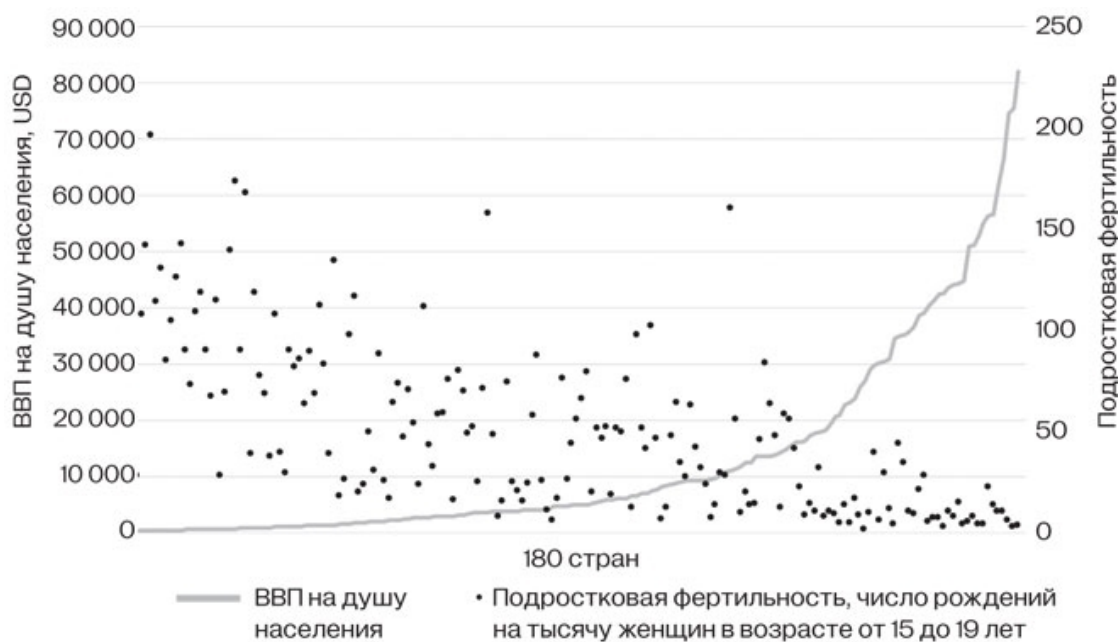


Рис. 5. График сверху показывает, что ВВП растет по мере того, как растет число девочек-подростков, продолжающих обучение школе. Обратите внимание, что преимущество дает не окончание школы, а переход в средние классы: каждый год, который девочка проводит в школе, приносит пользу и ей самой, и государству. Нижний график показывает, что чем меньше подростков беременеет, тем выше ВВП. Таким образом, чем больше девочек переходит в средние классы, тем реже подростковая беременность, и в обоих случаях идет вверх ВВП.

Источник: база данных Всемирного банка, доступ 15 декабря 2018 г. (последние доступные данные).

Наша гипотеза заключалась в том, что девочкам в бедных районах не хватало санитарного ухода, поэтому, когда у них начинались менструации, им приходилось несколько дней в месяц проводить дома. Мы предположили, что эти прогулы приводят к отставанию в учебе, девочки теряют мотивацию, и в конце концов их отчисляют. После отказа от школы у них не остается никаких других вариантов, кроме как выйти замуж. Если получится переломить такую закономерность, повышение образованности девочек приведет к росту женского трудоустройства, что, в свою очередь, будет стимулировать экономический рост, и у девочек появится больше вариантов. С ростом уровня жизни расширится налоговая база, поэтому, если государство начнет предоставлять прокладки, полученные преимущества могут окупить затраты.

Наша гипотеза о связи между менархе – первой менструацией – и отчислением выглядела довольно правдоподобно, если посмотреть на момент *в жизни*, когда это происходит (рис. 6), а не на этап *образования*. Тем не менее против этой логики возражали специалисты по международной помощи – сотрудники благотворительных организаций, а также государственных и международных агентств, – потому что в бедных деревнях проблему менструации никто не поднимал²⁸. Агентство США по международному развитию (USAID) отвергло нашу идею как легкомысленную, другие считали ее плодом западного воображения. В то время общепринятый подход к борьбе с отчислениями ограничивался кампаниями, в ходе которых родителей с помощью плакатов пытались убедить, что девочкам надо давать образование. И он не работал.

²⁸ Когда мы начинали исследование, единственным ученым, который занимался этим вопросом, была доктор Марни Зоммер из Школы здравоохранения Мэйлмена при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Мы были знакомы с доктором Зоммер и сотрудничали с ней, и она разделяла наш скептицизм. Впоследствии она основала глобальное сообщество ученых и специалистов, сосредоточенных на влиянии гигиенических проблем на бедных школьников.

Типичная траектория школьного обучения девочек в Гане и Уганде, около 2008–2011 гг.

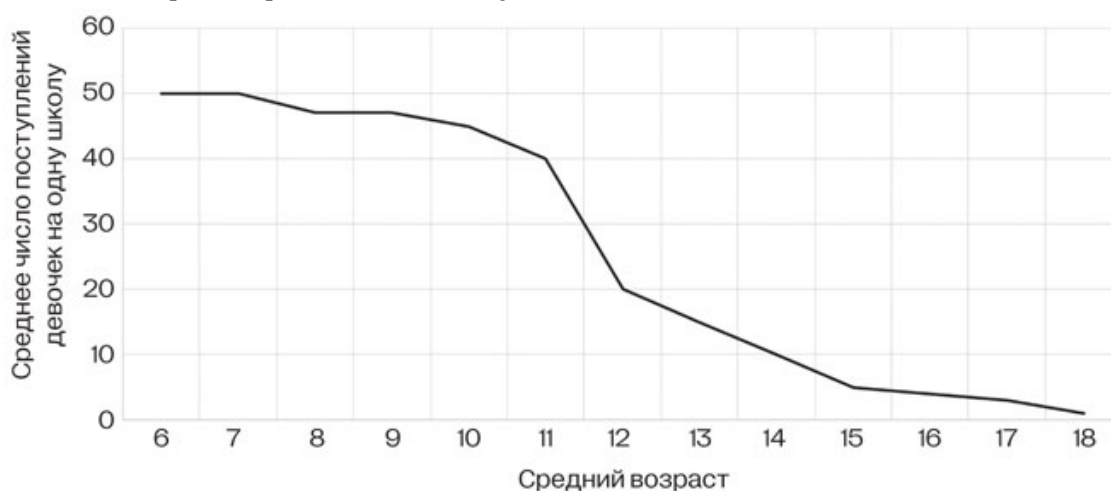


Рис 6. Этот линейный график составлен на основе сотен снимков и полевых заметок, которые мы с коллегами собрали о школьном обучении в сельских и пригородных районах Ганы, а позже и Уганды (там было проведено рандомизированное исследование предлагаемого вмешательства). Он показывает, что число учениц в школах резко падает в период, когда большинство из них достигает возраста от одиннадцати до четырнадцати лет.

Когда я объединилась с британскими коллегами в Аккре, мы занялись получением разрешения на полевую работу от местных чиновников и одобрения комитета по этике. Мы также стали посещать местные неправительственные организации (НПО), рассчитывая на их содействие в практической проверке гипотезы. Однако на этом этапе нас ждало неожиданное препятствие: каждый раз нас встречали отговоркой – сотрудники НПО заявляли, что у женщин уже есть прокладки или что для этих нужд имеется какое-то древнее ритуальное приспособление и оно отлично работает. Все эти версии при этом были высосаны из пальца: никто никогда не поднимал этот вопрос в беседах с самими женщинами.

Офис CARE International в Кумаси, на юге Центральной Ганы, был нашим последним шансом убедить какую-нибудь НПО нам помочь. Первые двадцать минут я и мой коллега Пол Монтгомери были уверены, что нам откажут и здесь. Вдруг в комнату вошел крупный мужчина, он ничего не говорил и специально не вмешивался в наш разговор. Все замолчали и повернулись в его сторону. Мужчина объяснил, что, услышав о цели нашего визита, решил выяснить для себя, является ли гигиена причиной данной проблемы. Он поехал в деревни, поговорил с женщинами и только что оттуда вернулся. «Да, все так и есть, – сказал он без обиняков, а потом, садясь, добавил: – Просто они об этом не говорят». Чуть позже мы с Полом сели в его грузовик и отправились беседовать с женщинами с одобрения старейшин.

Большого человека звали Джордж Аппиа. Каждый раз он звонил вождям заранее, поэтому племенные советы уже были готовы нас принять. Когда мы приезжали, нас приветствовали поющие и танцующие женщины – обожаю этот ритуал. Однако потом мы рассаживались, и оставались одни только ответственные мужчины, так что нам неизбежно приходилось обсуждать, как привлечь женщин к разговору.

Одна деревня запала мне в память. Мы уселись под большим деревом. Перед нами был совет, целиком состоящий из немолодых мужчин. Мы спросили, не присоединится ли к нам кто-нибудь из женщин, и услышали заверения, что в этом нет необходимости. Мы повторили просьбу, и женщин все же позвали: они собрались под другим деревом – так далеко, чтобы мы друг друга не видели и не слышали. Тогда мы попросили пригласить женщин поближе и сказали, что наш проект касается женских проблем. Совет дал добро, и женщины сели вместе

со всеми. Когда мы объясняли проблему, в глазах мужчин появился шок, затем неловкость, и, наконец, их взгляд стал просто стеклянным: они явно не хотели не только говорить, но даже думать на эту тему. Я сказала, что мы можем побеседовать с женщинами и в более укромном месте, и мужчины с облегчением согласились.

Мы пошли в пустой школьный класс и теперь уже без обиняков объяснили, в чем заключается наша задача. Женщины проявили живой интерес, но они еще никогда не видели прокладку, поэтому им было трудно себе представить, что им нужно одобрить. Я покупала прокладки в киосках по дороге, чтобы посмотреть, какие варианты и по какой цене здесь имеются, поэтому у меня с собой были образцы. Я взяла из держателя для стаканов в машине полбутылки теплой кока-колы. Когда женщины собрались ближе и вытянулись, чтобы посмотреть, девушка из CARE полила газировкой вдоль прокладки, а потом подняла ее вверх и показала, что коричневая жидкость не протекает. «А-а-ах!» – выдохнули женщины хором, а затем рассмеялись. Их предводительница, которую называли «королевой-матерью», воскликнула, что исследование одобрено единогласно.

Однако прежде чем перейти к собственно полевым испытаниям, мы опросили сотни людей по всей Гане – учителей, медсестер, представителей школьных администраций, родителей и учеников – и пришли к выводу, что девочки действительно бросают школу из-за того, что им доступны только импровизированные гигиенические материалы. И дело было вовсе не в том, что у них пропадает охота учиться, а в принудительных браках, беременности или решении бежать.

Когда у девочки начинаются менструации, – рассказали нам, – местные мужчины считают ее созревшей и, следовательно, пригодной для брака и доступной в сексуальном отношении. С этого момента отец стремится побыстрее выдать дочь замуж, чтобы получить за нее «выкуп» – значительную сумму, которую уплачивает жених. Обычная ставка за жену – около пятисот долларов: за такие деньги можно купить корову, и останется еще полторы сотни. Кроме того, замужество снимает с родителей обязанность содержать девочку и давать ей образование, так что ранний брак выглядит отличной сделкой.

Чаще всего отец выбирает кандидата, который предложил выкуп побольше, или заключает сделку с человеком, которому задолжал. Однажды я спросила ганского учителя, есть ли у дочерей выбор, за кого выйти замуж. «Нет! – отрезал он. – Если ты женщина, ты не выбираешь!» Я больше не поднимала эту тему, так как не поняла, возмущен он этим обычаем или тем, что я посмела задать такой дерзкий вопрос.

После свадьбы дочь обычно переезжает в семью мужа, часто в деревню на некотором удалении, и теперь обязана отдавать любые свои заработки самому супругу или его родне. Таким образом, родители не видят никакого экономического смысла держать дочерей в школе: они скорее вложатся в образование сыновей, ведь мальчики останутся дома, со временем унаследуют хозяйство и будут помогать им в старости. Такой уклад, распространенный по всему развивающемуся миру, приводит к тому, что предпочтение отдают в первую очередь мужскому потомству.

Девочки в Гане беременеют вне брака по многим причинам, и страсть и желание получить удовольствие здесь не на последнем месте. В то же время весьма распространен и «коммерческий секс» в обмен на какие-то услуги, предметы или деньги, так как у девочек мало возможностей что-нибудь заработать. Если школьницу воспитывают не родители, а родственник – а так бывает нередко, учитывая эпидемию ВИЧ/СПИД, – после начала менструаций ее зачастую просто лишают экономической поддержки, поскольку она уже женщина и должна сама о себе заботиться. Как нам говорили матери, тети и бабушки, от девочки часто ожидается «найти себя парня», который будет ее содержать, – особенно если она хочет остаться в школе. Если же она беременеет, а парень не берет ее замуж, нищета ждет и ее саму, и ребенка.

Отнюдь не столь уж редко беременность становится результатом изнасилования. Когда я узнала, насколько распространен принудительный секс и как терпимо к нему относятся, у меня наступил шок. Исследование 2012 года, охватившее пятьдесят тысяч школьниц из десяти африканских стран, показало, что сексуализированное насилие пришлось пережить трети шестнадцатилетних девочек – обычно после примерно двенадцатилетнего возраста, когда наступает половое созревание. Принуждение встречалось чаще в тех общинах, где было благосклонное отношение к коммерческому сексу и многие взрослые сами сталкивались с ним²⁹.

Когда односельчанам становилось известно, что у девочки начались месячные, мужчины начинали ходить за ней в школу и из школы. Такое поведение – его часто называют «ухаживаниями» – популярно в развивающихся странах. Насильник может уладить проблему с отцом, женившись на девочке: перенесенная травма, похоже, мало кого волнует, ведь сексуальная агрессия со стороны мужчин считается здесь делом житейским. Мы видели множество кампаний, пропагандировавших половое воздержание, но было очевидно, что нежелательные беременности и болезни, передаваемые половым путем, не исчезнут от призывов «просто сказать “нет”».

Мы поняли, что многие девочки действительно уходят из школы из-за беременности, к которой приводит вовсе не желание стильно одеваться и иметь крутой мобильник, как утверждает общественное мнение. Школьниц толкает к этому сильнейшее сексуальное давление, зачастую с применением насилия, а также полное отсутствие возможности заработать. Если получится как-то притормозить это давление, ВВП, несомненно, вырастет не только благодаря улучшению трудовых ресурсов, но и тому, что многие социальные, медицинские и экономические расходы, связанные с подростковой фертильностью, пойдут на спад. По оценкам Всемирного банка, если задержать девочек в школе до двенадцатого класса, это сэкономит бедным странам от пятнадцати до тридцати триллионов долларов США за счет производительности и заработков в течение жизни. Детские браки стоят миру около 1,4 процента ВВП ежегодно – в среднем это четыре триллиона долларов США³⁰.

Чтобы что-то изменить, крайне важно держать менструации в тайне. К несчастью, материалы, которыми девочки пользуются вместо прокладок, сразу же их выдают: это различные тряпки, обычно обрывки старой одежды, но иногда и набивка матрасов – и вообще все, что поглощает жидкость. Все это, как правило, впитывает жидкость *недостаточно* хорошо и часто протекает. Если это происходит в общественном месте, например в школе, все становится ясно.

Но проблемы на этом не кончаются. Импровизированные прокладки надо как-то стирать, а в деревнях нет не только водопровода, но зачастую и мыла и даже места, где можно их незаметно высушить. Ткань полощут в реке – вода там далеко не всегда чистая – и прячут для просушки в укромном месте, обычно под кроватью, где темно и грязно. Поскольку ткань в дефиците, приходится экономить каждый клочок и использовать его заново, даже если он еще влажный. Через пару дней появляется характерный, всем знакомый запах, и некоторые открыто делают замечания на эту тему. Медицинские организации учат девочек вывешивать ткань на солнце, но оттого что лохмотья с пятнами крови появляются у всех на виду, уязвимость только повышается. Мужчины в Северной Гане как-то признались моему коллеге – тоже

²⁹ Neil Andersson, Sergio Paredes-Solis, Deborah Milne, Khalid Omer, Nobantu Marokoane, Ditiro Laetsang, and Anne Cockcroft, "Prevalence and Risk Factors for Forced or Coerced Sex Among School-Going Youth: National Cross-Sectional Studies in 10 Southern African Countries in 2003 and 2007", *BMJ Open* 2 (2012): e000754.

³⁰ Quentin Wodon, Claudio Montenegro, Hoa Nguyen, and Adenike Onagoruwa, *Missed Opportunities: The High Cost of Not Educating Girls* (Washington, DC: World Bank Group, 2018), <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/29956>; Quentin Wodon, C. Male, A. Nayihouba, A. Onagoruwa, A. Sa-vadogo, A. Yedan, J. Edmeades, et al., *Economic Impacts of Child Marriage: Global Synthesis Report* (Washington, DC: World Bank and International Center for Research on Women, 2018), <https://www.icrw.org/wp-content/uploads/2017/06/EICM-Global-Conference-Edition-June27-FINAL.pdf>.

мужчине, – что вид повешенной для просушки окровавленной ткани их возбуждает, так как это значит, что девочка внутри «готова».

Усугубляет ситуацию и плохая инфраструктура. Школ мало, и они расположены далеко друг от друга. Дороги размывает так сильно, что ходьба по ним похожа на скалолазание. Импровизированные прокладки при движении сдвигаются под нижним бельем, повышая вероятность протечки. Во многих школах туалетов нет вовсе, в других отхожие места заколочены досками. Иногда имеется один общий туалет для мальчиков и девочек. Воды, чтобы помыться, не бывает никогда.

Девочки, которые решаются отправиться в школу во время месячных, весь день волнуются по поводу возможных пятен. Принятые здесь методы преподавания – учитель рассказывает материал, а ученики при ответе на вопрос должны встать – тревогу только усиливают. Знания проверяют тоже в устной форме – путем пересказа. Страх, что сзади юбки появится кровь, отбивает у школьниц всякую охоту вести себя активно. Таким образом страх мешает учиться.

Девочки, у которых менструация появляется в школе, часто убегают из класса и прячутся в подлеске, чтобы сменить прокладки: если это какие-то обрывки тряпок, делать это неудобно и неопрятно. Пока они спускают нижнее белье, на них может напасть кто угодно – некоторые мужчины только этого и ждут. Итак, существующие практики только повышают риск обнаружения, и последствия могут быть куда серьезнее, чем простое смущение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.